

LITERATURE

UOT 82

ИДЕИ РЕАЛИЗМА И МОДЕРНИЗМА В РАССКАЗАХ С.МОЭМА И ДЖ.ФАУЛЗА СИНТЕЗА

Ирада АЛЕСКЕРОВА

“Western Caspian” University
Баку / АЗЕРБАЙДЖАН

aleskrova.i@gmail.com

РЕЗЮМЕ

В этой статье мы попытались сравнить манеру письма двух писателей. В начале изображены главные реалистические тенденции, которые были использованы С.Моэмом. А потом мы показали попытки Фаулза использовать идеи модернизма в своих новеллах. В статье рассмотрены несколько рассказов обоих писателей.

Ключевые слова: реалист, рассказы, существование, модернизм.

IDEAS OF REALISM AND MODERNISM IN SHORT STORIES OF S.MAUGHAM AND J.FOWLES

SUMMARY

In this article we tried to compare the both writes' manner of writing.

At first, we described S.Maugham's short stories and the main realistic arguments given in them by the writer. Then we showed using of the same ideas in Fowles' novels.

Finally, we noted that S.Maugham used realistic picture of characters but Fowles preferred using modernist manner of writing.

Key words: realist, short stories, existance, modernism.

S.MOEMİN VE C. FAULZUN HEKAYƏLƏRİNDƏ REALİZM VƏ MODERNİZM ANLAYIŞLARI

XÜLASƏ

Bu məqalədə mən hər iki yazıcının yazı metodlarını fərqləndirməyə çalışmışam.

Əvvəlcə S. Moemin hekayələrində göstərdiyi realist ideyalarını təsvir etməyə çalışmışam. Sonra isə Faulzun novellalarında modernist ideyalarının istifadə olduğunu göstərməyə cəhd etmişəm.

Məqalədə hər iki yazıcının bir neçə hekayəsi təhlil olunmuşdur.

Açar sözlər: realist, hekayələr, varlıq, modernizm.

Особое место в творчестве Сомерсета Моэма занимают рассказы. Их критический анализ свидетельствует о том, что С.Моэма следует объективно отнести к представителям критического реализма. Так, С.Моэм сам недвусмысленно подчеркнул: «...я ведь как-никак реалист и в своих произведениях всегда стараюсь оставаться верным жизни. Я тщательно и решительно избегаю всего фантастического и причудливого, равно как и писательского произвола» [6, стр. 112]. Суровый взгляд на общественные связи между людьми разных классов и сословий в Англии, трезвая оценка событий, ясная и чёткая фабула, нетерпимое отношение к любому негативу, намеренная локализация центральных событий лишней раз подтверждают это.

Между тем, некоторые русские и европейские исследователи осторожно высказываются в отношении ясной приверженности английского писателя реализму. В.Днепров, к примеру, полагает, что творчество Моэма лежало в стороне от магистральных тенденций в литературе и искусстве середины XX столетия. Г.Д.Жантиева считает, что в большинстве С.Моэм не сумел подняться до «сияющих высот реализма, каких достигли некоторые его великие современники - Бернард Шоу, Джон Голсуорси и Герберт Уэллс». Одновременно с тем она подчёркивает, что «он, бесспорно, не лишён большого таланта, остроумия и весьма острой наблюдательности» [2, стр. 57]. Так или иначе, мы собираемся показать в настоящей статье, что в этих и других суждениях есть «белые пятна». Можно ли брать за основу в буквальном смысле, скажем, вышеприведённое высказывание Г.Д.Жантиевой? Вряд ли, ведь «большого таланта, остроумия и острой наблюдательности» никоим образом не лишены и некоторые передовые писатели-модернисты. Джон Фаулз среди них - вообще в первых рядах.

Но эти определения в то же самое время говорят нам одновременно и о самобытности рассказов С.Моэма. Эта самобытность, как один из наибо-

лее ярких признаков синтеза реализма и модернизма, на наш взгляд, проявляется в том, что писатель всегда старался придерживаться сдержанной и до предела отточенной прозы. В своих рассказах он часто обнаруживает умение находить «единственно возможные слова и единственно возможный порядок их размещения в предложении. Я хотел, - писал С.Моэм, - излагать только сухие факты, вовсе стараясь при этом не употреблять прилагательных» [5, стр. 32]. И в самом деле, сложный и неординарный мир его «малой прозы» не расцвечен красками. Поэтому можно утверждать, что он в известной степени лишён метафоричности. Рассказы его в большинстве своём лаконичны, а ход повествования даже несколько скуповатый.

Синтезированный мир идей стал предметом научного исследования в критической литературе разных исторических периодов. Так, М.Злобина цитировала мнение Джеймса Олдриджа по этому поводу. Он писал: «Они (рассказы Моэма) есть нечто немаловажное для всей истории английской литературы, прямо и непосредственно примыкают к направлению критического реализма. И это при том очевидном факте, что Моэм не сумел-таки выработать собственной социально-политической точки зрения, не сплавил свой оригинальный ум и нестандартные взгляды в убедительный социальный, идеологический и политический комментарий, выраженный в наиболее ярких художественных образах» [3, стр. 73].

Вероятно, английский критик выразился слишком категорично, но это суждение, как представляется, недалеко от истины. Писатель пояснял: «В моих произведениях «малой формы» нет, да и вообще быть не может особенной сердечной теплоты, широкой человечности и душевной ясности, которую мы находим разве что у самых величайших писателей России и Европы» [9, стр. 99-100].

Как бы не лукавил английский писатель, зерно истины в этом признании есть. С. Моэм, скорее, создавал свои лучшие рассказы на стыке реализма и модернизма, нежели являлся приверженцем одного художественного метода. Синтез идей, принадлежащих писателям разного мирозерцания - это его излюбленный приём. В.Днепров указывал, что в ряде его рассказов немало таких моментов, которые явно не соответствуют традиционному принципу реалистического искусства - «изображать отрицательную действительность при всей её отрицательности, но при свете красоты и разума» [1, стр. 309].

Как и слова Г.Жантиевой, их также нельзя воспринимать прямолинейно. В той же работе критик сделал упор именно на критериях красоты и разума. Панацеей творчества С.Моэма, по его же мнению, всё-таки следует считать «красоту и добро, прозу культурную, вполне естественную, отточенную и сдержанную, без каких-нибудь искусственных попыток специально удивлять читателя необычными словоупотреблениями» [1, стр.

309-310]. Недаром С.Моэм слыл у себя на родине блестящим стилистом. Это содействовало тому, что прозаик был бесконечно далёк от разного рода экспериментаторских новшеств, нередко выступал в периодике против так называемых в европейской литературе XX века «атак на традиционность».

В чём же заключается этот синтез идей, где первое понятие как бы противоречит последующему? По нашему мнению, некоторые его рассказы из циклов «Трепет листа» и «Маленькие истории» отличаются богатством реалистического содержания, демонстрируя остроту критической мысли, в частности, определённый социологический анализ душевного состояния героев. Они же, то есть рассказы-новеллы, бесспорно, представляют собой ценный информативный материал для изучения наиболее общих тенденций современной литературы Великобритании.

Например, рассказ «Заводь» определённо отличается драматизмом ключевой ситуации. Он строго реалистичен по характеру отражения естественной психологии поведения центрального героя Лоусона. Автор не скрывает многочисленных странностей и противоречий в его натуре. Но характер главного действующего лица выдержан в лучших традициях европейского критического реализма. В то же время острая драматическая напряжённость неожиданно и неоправданно снята традиционным ритуалом чаепития, которое здесь обставлено по старинным национальным законам. Несложно было довести определённый фрагмент текста до накала, учитывая неприязненные отношения между некоторыми героями. Но С.Моэму тут же мешает некая разнеженность героев на свободе. Многие из них сознательно отстраняются от цивилизации, страшатся её и потому выбирают тихий и размеренный образ жизни. Так, Лоусона по ходу повествования «раздражала цивилизация». Он всей душой полюбил прекрасный остров Самоа и «мечтал быть как можно ближе к ласковой плодородной земле. От одного общения с примитивными существами Лоусон чувствовал себя более свободным, чем прежде» [6, стр. 106]. Социальный анализ тем самым пригашен, а герой, всецело погружённый в экзотику края, которому оказывается он предан всей душой, всё больше временами начинает походить на персонаж из экзистенциальных произведений.

Примечательно, что это своеобразие пера С.Моэма оказывается сродни его младшему современнику - Д.Фаулзу. Выдающийся английский писатель, парадоксалист по складу мышления, как и С.Моэм, прославился прежде всего своими романами «Маг», «Коллекционер», «Волхв», «Любовница французского лейтенанта» и некоторыми другими. Но не менее популярным на Западе стали его рассказы в сборнике «Башня из Чёрного Дерева». В ней пять новелл, и каждая из них являет собой причудливый сплав реализма и модернизма. В них поднят ряд острых и волнующих

человечество проблем глубоко нравственного содержания. Д. Фаулз неизменно стоит на стороне «обиженных и оскорблённых». Он далеко не безразличен к судьбам тех, кто в силу объективных, то есть независящихся от собственной воли, и в то же время субъективных (роковых) причин не смог реализовать себя. Вместе с тем все пять новелл указанного сборника отличает таинственная, магическая или мистическая атмосфера, проникновение в глубины человеческого подсознания и т.п.

Во второй половине XX в. в Великобритании трудно найти ещё такого писателя, который представляет собой, образно выражаясь, тип всемирного «боления» за людей. Как и С. Моэм, он пишет о том, что в современном ему европейском обществе гармония внутреннего мира у людей разъята. Вместе с тем прозаик, склонный в названном сборнике рассказов к реалистическому отражению характеров и обстоятельств, сквозь дебри всеобщего разброда и хаоса показал болезненную реакцию человека на текущие события. Эти типичные черты творчества писателя-модерниста соприкоснулись с умением воспроизвести цельную личность, подтвердив свои намерения однозначными и твёрдыми реалистическими выводами и обобщениями.

Философия Фаулза в рассказах сложна и внутренне противоречива. Кто-то (Д.В. За-тонский) видел в них зрелого мастера-реалиста, которому вовсе не чужды людские страдания. Другие (например, А. Залите) основные методы проникновения в психологию личности приравнивали к умственному труду холодных аналитиков, которые с высоты модернистского видения зорко, но и пристрастно вглядываются в картины социального бытия с магических или мистических позиций.

Первые считали, что в рассказах «Туча», «Элидюк» и других названного сборника Дж. Фаулз попытался выразить свои религиозно-этические взгляды. Предполагали, что совесть без Бога - это самое ужасное, что есть на свете, и она может привести личность к безнравственности. В этом и можно увидеть европейский «тип боления» за человека. Вторые же отрицали этот аспект, полагая, что Дж. Фаулз предлагает читателю не «веру в Бога», но лишь «игру в него». Поэтому одни критики относили Фаулза к «истинному христианину» и видели в его рассказах манеру письма зрелого реалиста. Другие, напротив, отрицали наличие в его творчестве христианской добродетели, записывая в актив писателей-модернистов.

В любом случае при столь явно расходящихся оценках считаем верным мнение Т. Красавченко, который, пытаясь гармонизировать различные точки зрения, подчёркивал: «Творчество Джона Фаулза адекватно и понятно мироощущению современного человека. Писатель, отнюдь не подстраиваясь под читателя, порой открывая нелицеприятную правду о человеке, затрагивает живой нерв жизни, расширяет представ-

ление о ней и об искусстве [4, стр. 6].

Нами выяснено, что ряд рассказов С.Моэма и Дж.Фаулза схожи по своей архитектонике. А именно: они демонстрируют особую систему взаимодействия каждого нового текста с последующим и предыдущим. Каждый из них, будучи автономным целым, в то же время является неотъемлемой частью системы, его превосходящей, то есть притягивающий «малую прозу» к романам. В этом смысле новеллистический сборник «Башня из черного дерева» особенно показателен. Он представляет собой структурное единство и его при всей своей реалистической направленности, тяготению к изображению типологических характеров в реальной среде, неправомерно рассматривать вне теории модернизма или метатекста. Конечно, ситуации, в которые попадают многие его герои, объективно надо признать мастерски сделанными картинами художника-реалиста. К примеру, возникновение одних сцен чётко мотивировано предыдущими. В то же время «вторичный контекст», или другими словами «метатекст», столь часто присутствующий в «Башне из Чёрного Дерева», этому сопротивляется. Фактически получается, что автономно целые, повести всё же являются неотъемлемой частью единства его романного творчества.

Нам важно подчеркнуть, что в рассказах С.Моэма лучшие представители европейской интеллигенции нередко сталкиваются с миром лжи, косности и стяжательства. В этом смысле большинство критиков сходится во мнении, что его «малую прозу» целесообразно называть «интеллектуальной». Характерно, что цикл рассказов «Башня из Чёрного Дерева» Джона Фаулза тоже является ярким образцом интеллектуальной «малой прозы». Однако направленность художественного изображения характеров общая, а тактические подходы к реализации поставленной цели разные. Д.Фаулз очень любит играть словами, помещать читателя в лабиринт словесной путаницы, чтобы привести к неожиданному и непредсказуемому финалу. Так, «рабочее название сборника рассказов первоначально было «Вариации». «В будущей «Башне...» мне самому хотелось указать на определённые вариации как некоторых тем моих предыдущих книг, так и установить манеру повествования...» [11, стр. 3]

Насколько нам удалось выяснить, в рассказах С.Моэма такая связь, как на уровне лингвистических ухищрений, так и художественного текста особо не просматривается. Занимательность - вот его конёк. Недаром Р. Олдингтон свидетельствует о том, что у С. Моэма «необыкновенный дар рассказчика, отсутствие формальных ухищрений и претенциозности» [8, стр. 10]. А.Уилсон к тому же добавлял: «строгое совершенство формы» [1, стр. 112].

Рассказы Моэма в этом отношении лишний раз подтверждают верность идеи синтеза двух методов. С одной стороны, герои действуют в

локальном пространстве, их внутренний мир строго ограничен сжатыми временными рамками. Это стойкая черта писателей-реалистов. К примеру, подробная проработка бытовых деталей никогда не являлась его самоцелью, писателю также чужда замедленность действия в откровенно гипертрофированном психологическом микромире своих героев. С другой стороны, автор не прочь прибегнуть к искусственно создаваемой пространственной и временной масштабности широкого эпического повествования. Тогда поведение героев словно отделяется от образа их мыслей, они начинают жить и действовать вне пределов авторского мышления, то есть сами по себе, подчиняясь логике событий, которые чаще излагаются в более крупных жанровых формах (прежде всего, романых). А.А.Палий по этому поводу подметил, что мир рассказов С.Моэма с его разношёрстным населением сосуществует как бы отдельно от многочисленных философских раздумий героев его же, кстати, романов. Это структурное нарушение (или противоречие) ближе, конечно же, миру-дению писателей-модернистов.

Напротив, о тесном единстве романного и новеллистического жанров в творчестве Джона Фаулза упоминали очень многие исследователи. Между новеллами сборника и романами Фаулза нетрудно разглядеть прямые и косвенные аналогии, как идейно-проблематические, так и сюжетные. Так, практически все рассказы «Башни из Черного Дерева» строятся по модели, во многом напоминающими его нашумевший роман «Волхв». Композиция и тональность повествования рассказа «Бедняжка Коко» приводит на память «Коллекционера»; осязательны также фабульные аналогии между его рассказом «Облако» и известным романом «Любовница французского лейтенанта». «При пристальном чтении обнаруживается не столь очевидное сходство мотивов и образно-стилевого строя «Элидюка» и «Загадки», как отмечает видный исследователь Н. Пальцев [7, стр. 14]. Как видим, противоречие структурного плана, которое свидетельствует о своеобразном симбиозе реализма и модернизма, при сравнении с аналогичным явлением в рассказах Фаулза отсутствует.

Итак, реалистические и модернистские черты в творчестве С.Моэма и Фаулза, чередуясь между собой, следуют, как говорится, «рука об руку». Но индивидуальное своеобразие их рассказов, в основном раскрывающееся в их теоретических исканиях, говорит нам об индивидуальности их почерка.

Литература:

1. Днепров В. Черты романа XX века. М.; Л.: Советский писатель, 1965.
2. Жантиева Д.Г. Некоторые «итоги» и «точки зрения». Эстетические

- взгляды и творческий путь Сомерсета Моэма // Иностранная литература, 1960, № 2.
3. Злобина М. Сюрпризы Сомерсета Моэма // Новый мир, 1961, № 9.
 4. Красавченко Т. Коллекционеры и художники // Фаулз Дж. Коллекционер. М.: Известия, 1991.
 5. Моэм С. Подводя итоги. М.: Художественная литература, 1957.
 6. Моэм С. Человек, у которого была совесть. В кн.: Собрание сочинений в четырёх томах. Т 4. Статьи и письма.
 7. Пальцев Н. Суть творчества, суть чудотворства ...//FowlesJ. The Ebony Tower. Eliduc. TheEnigma. М., 1980.
 8. Aldington R.W. S. Maugham. Novelist. Essayist. Dramatist. New-York, 1939.
 9. Maugham W.S. A Writer's Note book. Heinemann. Melbourne. London. Toronto. 1952, pp. 99-100.
 10. Maugham W.S. Twelve stories selected and with an introduction by Wilson A. London, 1966, P. IX.
 11. Fowles J. The Ebony Tower. Eliduc. TheEnigma. М., 1980.